

Все подписи в докладах принадлежали известным своей неподкупностью сановникам. Кто мог ими повелевать?

Аристократическая клика? Невозможно — многие из них были с ним в хороших отношениях, да и рогатку Десятого принца он украл ради Юнфэнского боярина, у них не было причин наносить удар в спину.

Чиновничьи кланы? Они из кожи вон лезли, чтобы протолкнуть своих людей в Лоян, и ни за что не стали бы создавать лишних хлопот.

Тогда кто же? У кого хватило сил действовать столь скрытно, оставаясь в тени?

Леденящий холод расползлся из самой глубины сердца. В этот миг, когда на карту была поставлена жизнь, его мысли вдруг рассеялись. Перед глазами проносились вереницей образы: сановники, на коленях молящие о пощаде в этом зале, знатные дома, срывающие голоса в рыданиях, и лужи крови, что сочились на Восточном рынке... — всё мелькало в сознании, словно картинки калейдоскопа.

Император Цзяньхун вскричал: «Стража!» Юй Шуанси немедленно ввёл стражников, и те подхватили его под руки.

Чжан Юань вырывался, отталкивая их руки, медленно опустился, стукнулся головой об пол и, не то плача, не то смеясь, произнёс: «Слуга обманул ожидания Вашего Величества. Умоляю Вас, гневайтесь, но берегите своё драгоценное тело. Слуга... отбивает Вам поклоны и прощается!»

В зале и снаружи воцарилась мёртвая тишина, нарушаемая лишь отчётливыми звуками ударов головой об пол.

Когда Чжан Юань выпрямился, стража из «Соколиной гвардии», не дожидаясь приказа императора, единым усилием поволокла его из зала.

Чжан Юань смотрел, как свет лампы на императорском столе удаляется от него, и внезапно ощутил страх перед приближающейся смертью. Забывшись, он крикнул: «Ваше Величество, когда меня больше не будет рядом, берегите себя. По ночам одевайтесь теплее, в жару не злоупотребляйте холодным...» — в каждом слове звучала искренняя душевная боль.

Однако император Цзяньхун всё это время хранил бесстрастное выражение лица. Лишь когда тот удалился, он с насмешкой произнёс: «Перед смертью всё ещё ломает комедию!»

Юй Шуанси молча застыл рядом.

Император Цзяньхун приоткрыл рот, словно ему было непривычно, что никто не поддакивает, помедлил и добавил: «Не передавать в Ритуальный приказ. Отправить в Верховный трибунал для быстрого решения».

Только тогда Юй Шуанси произнёс: «Слуга исполняет повеление».

Весть о том, что Чжан Юань и его приспешники сняты с должностей и отданы под суд, со скоростью молнии разнеслась из императорского дворца во все стороны.

От принцев до монарха — Чжан Юань служил императору Цзяньхуну много лет и был непревзойдённым мастером угадывать волю государя и соблюдать меру. Хотя его не раз

обвиняли цензоры в корысти и беззаконии, он многие годы оставался непоколебим благодаря благосклонности императора.

И вот этот влиятельный евнух, которого почти все считали «непоколебимым, пока не сменится император», вдруг пал. Причины этого невольно заставляли задуматься, вникать и трепетать.

На мгновение Хаоцзин погрузился в беспричинное безмолвие.

Более всех прочих вели себя тихо и смиренно в особняке Юнфэнского боярина.

Впрочем, внутри самого особняка по-прежнему царил оживление. Фу Сиянь, как главный объект надзора Фу Фу, каждое утро выслушивал благостную проповедь длиною в целую ароматическую палочку: «...Короче говоря, эти дни сиди смиренно и носа на улицу не кажи!»

В конце концов разговор, как обычно, заканчивался яростным рёвом Юнфэнского боярина.

Однако, хоть Фу Сиянь и ворчал, нарушать приказ не собирался.

В конце концов —

В последнее время работа в Парчовых одеждах была настолько захватывающей, что совершенно не требовала досуга.

Поначалу люди из «Соколиной гвардии», включая клан Чу, испытывали некоторую тревогу из-за перевода в новую гвардию. Но Чу Гуан, занятый подготовкой к отъезду, был совершенно не склонен возиться с ними и, руководствуясь принципом удобства, попросту перебросил их к Золотой гвардии.

С тех пор Парчовые одежды зажили счастливой жизнью «одной шайки-лейки» с Золотой гвардией.

Пробегут круг — отдохнут три, а потом вместе с Золотой гвардией выходят в патруль.

Туда-сюда, солнце припечет — заглянут в трактир, проголодаются — похлебают мясной каши. Солнце клонится к закату — сразу назад, ни за что не останутся сверхурочными, как собаки. Если жизнь такова, чего же ещё желать?

Увы, к сожалению, радостные дни были недолги.

Как только Придворная астрономическая служба выбрала благоприятный день, отъезд Третьего принца в сопровождении Парчовых одежд был поставлен на повестку дня. Вместе с ним ехали не только члены свиты принца, но и чиновники из Министерства работ, направленные надзирать за строительством дворца.

Перед отъездом женщины из семьи подарили несколько комплектов новой одежды, а оба старших брата отсыпали целые пригоршни медяков и немного серебряной мелочи — всё это было сложено в кошелёк, сшитый Фу Сяцин, и висело на поясе, тяжело оттягивая его.

Фу Сиянь был тронут и сказал: «Братец, дорог не подарок, дорого внимание. Серебряные ассигнации куда удобнее носить».

Фу Лиань мягко улыбнулся: «Путь до Лояна далёк, как же ты будешь каждый раз заезжать в город за деньгами? Мелкие монеты сподручнее».

Фу Сиянь нашёл это убедительным и невольно вспомнил с тоской о мобильных платежах из своего мира. Но, судя по тому, как быстро он продвигается в «развитии технологий», ему придётся ждать следующей... следующей-следующей жизни, чтобы изобрести хотя бы оболочку для электрического кабеля.

От этой мысли становилось отчаянно тоскливо.

Его лицо выражало такую безнадёжность, что Фу Фу, который обычно был не прочь его отчитать, проглотил заранее заготовленную на всю ночь речь. Даже госпожа Фу, обычно не слишком жаловавшая побочных детей, и та выдавила два слова утешения с непривычной теплотой.

Фу Сюань пошёл ещё дальше: он просто сунул ему в руку пачку ассигнаций, и Фу Сиянь тут же просиял.

Фу Фу: «...» Точно, этот выродец явился требовать долги!

В день отъезда, на рассвете, город окутал густой туман.

Император Цзяньхун и все гражданские и военные чины вышли проводить на улицу Даньфэн.

Величественная процессия тонула в серой мгле; путь впереди был смутным и неясным.

Фу Сиянь, из-за своей фигуры, которую некуда было спрятать, оказался в самом хвосте колонны. Пользуясь чудесной погодой, он прикорнул, прислонившись к коню.

Надо сказать, что встречи с начальством — сущее разорение. Подъём в час ночи, сбор в три, церемония в пять... Того времени, что прошло впустую, хватило бы, чтобы сыграть с самим Чжоугуном несколько партий в маджонг!

Наконец, император закончил свою речь, и процессия тронулась.

К этому времени туман начал рассеиваться, и Фу Сиянь постепенно разглядел общий строй колонны.

Парчовые одежды были разделены на пять отрядов: передовой, предцентральный, центральный, зацентральный и тыловой — для охраны процессии. Он сам оказался в последнем, охраняя обоз; семьи чиновников ехали в центре; Третий принц и остальные возглавляли колонну.

К часу «чэнь»[1], то есть к семи утра, они наконец вышли из ворот Чанлэ.

Час «чэнь» также называли «часом еды», и с древних времён это было время завтрака. Хотя после подъёма Фу Сиянь и съел немного пшённой каши, но ночной перекус — это как послеобеденный чай: утоляет голод, но не заполняет желудок. Когда приходит время, есть всё равно хочется.

Он уже собрался достать припасённые дома лепёшки, чтобы перекусить, как спереди донёсся приказ ускорить движение.

Фу Сиянь: «...»

Будь ты проклят, Чу Гуан, ни стыда, ни совести! В Лоян едем, хлеба не даём. У людей дымится ароматный обед, а я с голодухи слушаю звон! Эй, слушаю звон!

Потому и говорят: талант рождается в нужде.

Идя за Чу Гуаном, он скоро сможет написать «Холодную песнь-2» вместе с Мэн Цзяо[2].

Но приказ есть приказ: сколько бы он ни ворчал про себя, ему пришлось следовать за основной колонной, ускорив шаг.

К счастью, Чу Гуан, при всей своей бессердечности, всё же был обычным человеком с потребностью в еде и питье. Около девяти часов он всё-таки велел остановиться на короткий привал.

Фу Сиянь одновременно растирал ногу, жевал лепёшку и следил за временем, чтобы успеть сходить по-малому — поистине занят был до крайности.

И в этот самый момент доверенный Чу Гуана явился с дополнительной головной болью: позвал его кипятить воду.

Фу Сиянь в душе уже излил целую разлившуюся Жёлтую реку брани, но на лице послушно поднялся и второпях запихнул лепёшку в рот целиком. Однако от спешки она застряла у него в гортле. Вытаращив глаза и схватившись за горло, он медленно начал заваливаться назад.

Товарищи позади него, охваченные ужасом, сообща подхватили его, осторожно опустили на землю, начали стучать по спине и груди — начался настоящий переполох.

Доверенный, глядя на умирающий вид Фу Сияня, был в замешательстве, не понимая, как всё дошло до такого. Видя, что вот-вот трогаться, ему пришлось несолоно хлебавши вернуться ни с чем.

Фу Сиянь смотрел на его удаляющуюся спину, но не чувствовал радости победы.

Он знал: это лишь первый шаг в Великом Походе, впереди ещё много тяжёлых дней.

Так и вышло. Вечером явился Чу Шаоян с подчинёнными, с грозным видом раздавая задания.

Фу Сиянь ожидал этого и, ловко сходя в уборную, жевал на ходу в ожидании. Как только они пришли, он без лишних слов хлопнул себя по задку и пошёл следом.

Увидев такую сговорчивость, Чу Шаоян, напротив, забеспокоился. Он проследовал за ним до самого места разведения огня и уселся рядом, словно бдительный тюремщик.

Впрочем, на этот раз Фу Сиянь не собирался отлынивать и честно принялся разжигать огонь, чтобы вскипятить воду.

Доверенный Чу Гуана рядом язвительно заметил: «Господин Фу, в этот раз вы не подавились лепёшкой?»

— Да я ещё и не ел, — Фу Сиянь с улыбкой повернулся к Чу Шаояну. — Если честно, я проголодался. Братец Шаоян, когда пойдёшь за едой, не забудь взять одну порцию и для меня.

Чу Шаоян, которого отправили «искать еду на стороне», выдавил улыбку и ответил: — Боюсь, по моему аппетиту у меня не хватит, чтобы наполнить твой живот, братец Фу.

Фу Сиянь легко согласился: — Тогда возьми две порции.

Чу Шаоян и доверенный: «...» На всём белом свете, наверное, только у этого человека такая толстая кожа, что крепче стены и незыблемее горы. Будь у городской стены такая, на неё и впрямь было бы страшно смотреть — неприступная.

Чу Шаоян в первый раз придирался к людям, и опыта у него было маловато. Закончив с кипячением воды, он отпустил его обратно. Но это было только начало.

На следующий день он явно получил наставления от опытного человека — его изобретательность в поручениях не знала границ.

Кипятить воду, носить воду, собирать хворост, готовить еду, мыть посуду... Такой напор, будто в мире есть только бесконечная работа и нет людей, которые не устали бы до смерти.

Хотя Чжоу Гэнгэн и Чжоу Чжунсинь тайком помогали, они не могли действовать слишком открыто. Большинство дел Фу Сияню приходилось делать самому. Два дня подряд у него почти не оставалось времени на сон, и несколько раз он чуть не свалился с лошади, задремав в седле.

Чжоу Гэнгэн сильно негодовал по этому поводу и не переставал ворчать. Только тогда Фу Сиянь узнал, что перед отъездом Фу Сюань, поступившись гордостью, отправил Чу Гуану богатый подарок. Чу Гуан подарок принял, наговорил приятных слов, а в итоге выкинул такой номер. Если так продолжится, то к тому времени, как процессия доберётся до Лояна, от пухлого Фу Сияня останется лишь горсть жирной земли.

Думал он, думал, и так и сяк, но решил, что так просто сдаваться нельзя.

Вспомнив о своём положении, Фу Сиянь почувствовал горечь и не удержался, чтобы не сочинить рэп:

Под чужой крышей сижу,

А крыша та — дырява.

Чтоб камнем не прибили,

Зонт покрупнее надо.

Где же тот зонт?

В самой богатой палатке приют!

В этот момент Фу Сиянь искренне поблагодарил свою «близорукость». Если бы в тот день в кабаке «Цзуйцзуйлоу» он с первого взгляда «не заметил» Лоу Байчжана, то не встретил бы и Третьего принца, а уж тем более не сидел бы с ним за одним столом.

Вспоминая те невидимые «лестные похлопывания», которые он отвесил за столом — такие искусные и совершенные, — он полагал, что они до сих пор пришлись принцу по вкусу. Наверняка стоит лишь устроить «случайную встречу», и они быстро восстановят связь.

Однако Третий принц только в первый день ехал верхом, а потом пересел в карету к Третьей принцессе-консорт. Фу Сиянь дважды обошёл стоянку снаружи, нашёл несколько явных лазеек и уже собирался той же ночью, под покровом тьмы, осуществить свой план, как вдруг в

лагере началось волнение. Доносилось оно, кажется, из района, где стояли семьи.

Сердце Фу Сияня ёкнуло: неужели что-то случилось с Третьим принцем?

Пока все предавались тревожным догадкам и беспокойству, прискакал Чу Шаоян. Чу Гуан, ставя родню на должности, уже повысил его до сотника. Как говорится, уездный начальник не чета местному управляющему: Чу Шаоян, как «сын начальника», обладал некоторым авторитетом.

Не тратя слов на объяснения, он отобрал несколько опытных людей из бывшей «Соколиной гвардии», бросил: «Охранять лагерь!» — и, словно стрела, умчался вперёд.

Из оставшихся большинство были новичками вроде Фу Сияня, попавшими сюда по блату. Все молодые, с крепкими связями, понятия не имеющие об офисной мудрости. Они думали, что работа — это как в Золотой гвардии: пока начальника нет, можно болтать о пустяках и сплетничать.

Тут же поползли слухи.

Фу Сияню же было на них наплевать. Наконец-то надзиратель ушёл, и он, улучив момент, хорошенько выпался.

Перед сном он слышал версию, что у Третьей принцессы-консорта внезапно начался острый приступ болезни; проснувшись, он узнал, что история уже превратилась в ту, где Третий принц вступил в связь с дочерью какого-то чиновника из Министерства работ, на что случайно наткнулась его супруга, от гнева харкнула кровью, три пиалы[3], придворный лекарь бессилён, и Чу Шаоян повёл людей искать знаменитого врача.

Фу Сиянь только подумал, что этот рассказ лишён всякой логики: в глухомани, где даже придворный лекарь бессилён, какой же знаменитый врач рискнёт взяться? И тут же нашёлся желающий «дорисовать» историю до конца.

— А вы не знаете? Неподалёку отсюда есть посёлок Пэйцзе, а в нём — усадьба Люму. Каждый год в день Цинмин[4] хозяин усадьбы устраивает «Пуцзихуэй»[5], приглашает лекарей для бесплатного приёма и раздачи лекарств беднякам. Так продолжается из поколения в поколение, и слава об этом разнеслась далеко, привлекая множество прославленных врачей, которые селились там отшельниками. Со временем это место превратилось в «городок лекарей», куда каждый день приезжают за помощью.

Как только он это сказал, многие из присутствующих припомнили это место. Фу Сиянь тоже вспомнил, что когда-то для него приглашали лекаря, и тот, кажется, был как раз из Пэйцзе.

Услышав название, все прониклись историей про Третьего принца ещё сильнее.

То с презрением говорили о бесстыдстве дочери чиновника, то завидовали гарему Третьего принца, то судачили о мелочности Третьей принцессы-консорта.

Фу Сиянь не знал, есть ли среди окружающих люди Третьего принца, но понимал, что молчать нехорошо. Поэтому он сказал: — Сотник Чу что, рта лишился? Или денег не хватает? Неужели нужно тащить с собой целую толпу, чтобы просто пригласить лекаря? К тому же, врачи из Пэйцзе не обязательно так искусны.

Кто-то возразил с недоверием: — Откуда тебе знать?

Фу Сиянь усмехнулся: — Я у них лечился.

И тут всё внимание компании переключилось на него. Всех заинтересовало, зачем такому молодому господину, как Фу Сиянь, понадобился врач.

Те из древности, возможно, скрывали свои проблемы с весом, но для Фу Сияня это было отличной темой для налаживания контактов и взаимного подбадривания. Он тут же пустился в увлечённый рассказ.

Диковинные тренажёры, разнообразнейшие диеты... — слушатели сидели с открытыми ртами.

Воспользовавшись тем, что Фу Сиянь остановился попить воды, кто-то задал вопрос, который вертелся на языке у всех присутствующих: — Тогда почему же ты не похудел?

Фу Сиянь почувствовал, что вода во рту стала горькой, и, воздев глаза к небу, простонал: — Я бы и сам хотел это знать.

— Я знаю одно лекарственное блюдо. Моя тётка пробовала — эффект потрясающий. Только я не всё запомнил. Вернусь — спрошу.

— У моей матушки тоже был рецепт, она его сестре передала. Я тоже разузнаю.

— ...

В тот же миг в убогом лагере засверкали огни братской любви. Никто, кроме Фу Сияня, не заметил, что разговор ушёл уже настолько далеко, что его и ураганом семнадцатой силы не вернёшь.

Позавтракав, все собрали вещи в ожидании отправления. Однако лишь к полудню один человек вернулся верхом и сразу направился к шатру Третьего принца.

Даже самый несообразительный понял: случилось что-то серьёзное. Боялись даже обсуждать, и весь лагерь погрузился в молчание — слышны были только птицы, насекомые да хруст травы, которую жевали кони.

Полагаясь на свой немалый опыт просмотра сериалов и чтения книг, Фу Сиянь тоже строил догадки: несчастный случай — это, в общем-то, либо покушение, либо измена, либо драка, либо отравление, либо болезнь, либо кража, либо пропажа... какие-то из этих вариантов.

Любая из этих угроз грозила голове Чу Гуана, а не его собственной. Фу Сиянь спокойно улёгся, собираясь вздремнуть, но едва закрыл глаза, как его безжалостно разбудил доверенный Чу Гуана.

— Командующий требует к себе.

Ох ты! Ну это как у Свахи Вана, которая услужила Удальцу — добра не жди[6].

Фу Сиянь потёр глаза, зевнул, попил воды, сходил по нужде и только потом неторопливо направился следом.

Доверенный вытаращил глаза: — Т-ты чего так много дел наделал!

Фу Сиянь с самым серьёзным видом ответил: — Встреча с высшим начальством — дело великое! Не будь здесь так убого, я бы непременно три дня постился и окурился

благовониями, прежде чем идти.

Доверенный подумал: «Верю тебе, чёрта с два!»

Фу Сиянь шёл за ним, впервые углубляясь с окраины лагеря в самую его сердцевину. Он заметил, что охрана здесь была на каждом шагу, необычайно строгая. К сожалению, по пути не попались ни Чжоу Гэнгэн, ни Чжоу Чжунсинь. Если с ним что-то случится, даже некого будет послать за подмогой.

При этой мысли он невольно замедлил шаг, и доверенный, постоянно следивший за его передвижениями, тут же обернулся и уставился на него.

— Устал, устал, — утомлённо проговорил Фу Сиянь.

— Да тут всего-то несколько шагов! — разозлился доверенный.

— Ты идёшь сам за себя, а я несу на себе троих, — обиженно возразил Фу Сиянь. — Разве это одно и то же?

Доверенный посмотрел на его массивную фигуру и на мгновение потерял дар речи. Сделав семь-восемь шагов, он вспомнил: ноги у Фу Сияня такие толстые, как у слона, одна за троих сойдёт. Какая, к чёрту, разница?

Однако шатёр был уже совсем рядом, и его великолепный контраргумент был обречён умереть, не родившись.

Он снова уставился на Фу Сияня.

Фу Сияню это было совершенно непонятно. Мы случайно встретились, прошли вместе каких-то несколько чжанов[7], с чего вдруг этот скорбный взгляд, как будто «я беременна, а ты отец»?

Однако его внимание быстро привлекла странная атмосфера снаружи шатра.

По идее, раз это шатёр Чу Гуана, снаружи должны стоять Парчовые одежды. Но, на первый взгляд, людей из личной охраны Третьего принца было больше, и стояли они ближе к центру. Даже если сам Третий принц пришёл в гости, такой размах был уже чересчур — гости затмевали хозяев.

Он повернулся к доверенному, но тот сделал вид, что ничего не замечает, и велел ждать у входа, а сам пошёл докладывать. Через некоторое время доверенный вышел вместе с человеком.

Фу Сиянь узнал его: это был тот самый стражник, которого прошлой ночью увёл Чу Шаоян, а сегодня он вернулся один.

Увидев его бледное лицо, Фу Сиянь хотел было о чём-то расспросить, но доверенный поторопил его войти.

Войдя в шатёр, Фу Сиянь быстро огляделся.

Третий принц сидел на главном месте, широко расставив ноги и уперев руки в бока, а хозяин шатра стоял, склонившись над книгой, которую подбирал с пола. Внутри было тихо, и от этой тишины веяло мрачностью.

Фу Сиянь глубоко вздохнул, готовясь «изобразить потрясение с широко открытым ртом», как вдруг Третий принц, согнав с лица всю мрачность, с привычной и непринуждённой улыбкой обратился к нему: — Сиянь, наконец-то пришёл! А я-то думал, мы едем вместе столько дней, а свиделись только сегодня.

Видя его понимающее выражение лица, которое говорило: «Брось притворяться, я давно знал, что ты знаешь, кто я», Фу Сияню пришлось молча свернуть тщательно подготовленную многоступенчатую игру эмоций — «потрясение», «растерянность», «неверие», «радость», «восхищение» и так далее — и скромно встать в сторонке.

Чу Гуан наблюдал за этой сценой со стороны, криво усмехаясь: — Если бы не его высочество сообщил, я бы и не знал, что вы, племянник Фу, с его высочеством старые знакомые. Знал бы — давно перевёл бы тебя поближе к его высочеству.

Фу Сиянь раньше хотел обратиться за помощью к Третьему принцу, полагаясь на происхождение из боярского дома — просто попросить об одолжении. Но теперь выходило так, будто сам Третий принц намерен его повесить?

Тогда соотношение спроса и предложения между ними менялось на противоположное. Он не хотел думать о людях плохо, но грязь человеческих душ — это та глупость, которую добросердечный человек даже вообразить не в силах.

Добрый Сяо Фу, скромный и покладистый, сказал: — Посчастливилось однажды лицезреть.

— Раз ты родом из дома верности и чести, да ещё и удостоился внимания его высочества, значит, у тебя есть и достоинства, и удача, — заметил Чу Гуан.

Фу Сиянь внутренне почувствовал неладное. Как только начальник начинает тебя заговаривать, это значит, что тебе собираются подsunуть проблему, от которой все бегут как от огня. Он поспешно ответил: — Я и на тысячную долю не сравнюсь с братом Шаояном. Тьфу!

Чу Гуан усмехнулся непонятно: — Зачем скромничать? В прошлом, когда вы, племянник Фу, состязались с Шаояном в «Соколиной гвардии», была же у вас ничья.

Фу Сиянь: «...»

Ну вот, пришёл долг требовать. Его отец часто твердил, что дети — это долги. Неужели Чу Гуан хочет считать себя его отцом?

Не зная, как ответить, он с надеждой посмотрел на второго человека, имеющего право голоса в этой ситуации.

[1] «Чэнь» — один из двенадцати «двухчасовых промежутков» традиционного китайского времени, соответствует с 7 до 9 утра.

[2] Мэн Цзяо (751-814) — китайский поэт эпохи Тан, автор стихотворения «Холодная песнь», в котором есть строки о тяготах жизни.[3] «Три пиалы» (три шэна) — традиционная мера объёма, около 0,6 литра. В данном контексте — гипербола, означающая очень много крови.

[4] Цинмин — День чистого света и ясности, традиционный китайский праздник поминовения усопших (апрель).

[5] «Пуцзихуэй» — благотворительная акция, во время которой раздают еду и лекарства нуждающимся.

[6] «Как сваха Ван, что услужила Удальцу — добра не жди» — китайская поговорка, основанная на сюжете из романа «Речные заводи»: сваха Ван свела вместе Удальца У и Пань Цзиньянь, что привело к трагическим последствиям.

[7] Чжан — китайская мера длины, около 3,33 метра.

<http://bllate.org/book/19792/1950352>